

Анри Труайя

СВЕТ ПРАВЕДНЫХ

Барыня

РОМАН О ДЕКАБРИСТАХ

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Т77

Henry Troyat
LA LUMIÈRE DES JUSTES
Barynia

Перевод с французского *Валентины Жуковой*
Дизайн и иллюстрация на обложке *Анастасии Ивановой*

Труайя, Анри
Т77 Свет праведных: Барыня : роман / Анри Труайя ; [пер. с фр. В. Жуковой]. — М. : Издательство АЗБУКА, КоЛибри Fiction, 2026. — 432 с. — (История в романах).

ISBN 978-5-389-30291-4

Вторая часть пенталогии Анри Труайя о декабристах повествует о жизни Николая Озарёва и его красавицы жены, француженки Софи де Шамплит, в России. Автор подчеркивает разницу между крепостнической Россией и свободной Европой. Разницу, которую Софи не в силах постичь.

Она пытается облегчить жизнь крепостных, к неудовольствию свекра. Но даже на него, деспотичного, брюзгливого старика, действует очарование, обаяние, красота Софи, ее готовность помочь каждому, кто в этом нуждается.

Но ее собственному горю помочь не может никто: они с Николаем потеряли первенца, и пережить это непросто.

Между тем в России неспокойно: вернувшиеся из заграничного похода офицеры впитали идеалы свободы, равенства, братства и не хотят их забывать. Близится 1825 год.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-30291-4

© Flammarion, 1960
© Жукова В., наследники, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
КоЛибри Fiction

Часть I

1

Кучер натянул вожжи, лошади увязли в грязи, и экипаж остановился перед шлагбаумом. Поскольку ожидание затягивалось, путешественник высунул голову из-за дверцы. Прохладная сырая ночь была пропитана пресным болотным запахом. Фонарь, прикрепленный к верхушке столба, раскачивался на ветру, и отблески света плясали в лужах. По обеим сторонам дороги возвышались постовые будки в белую, черную и желтую полоски. Чуть подальше, перед караульным помещением, вытянулась вереница повозок. Сборщики пошлины проверяли грузы. Пассажир сложил ладони рупором у рта и крикнул:

— Эй! Кто-нибудь! Я тороплюсь!

Инвалид в мундире вышел из тумана. Вместо одной ноги у него был деревянный протез, а в руках — фонарь. Торс его склонялся на каждом шагу к истерзанному бедру. На груди сверкали медали. Не выходя из кареты, путешественник протянул ему свои бумаги и пробурчал:

— Михаил Борисович Озарёв. Еду в Санкт-Петербург по семейным делам.

— Все будет сделано немедленно, ваше благородие, — отозвался инвалид.

Он просунул бумаги меж двух пуговиц своего мундира и, прихрамывая, отправился назад к караульному помещению. Михаил Борисович Озарёв откинулся на спинку сиденья, вытянул ноги и закрыл глаза. Он потратил почти четыре дня на то, чтобы из своего имения Каштановка добраться до Санкт-Петербурга, но, несмотря на тяготы поездки, не ощущал усталости. Наверное, счастье дарило ему вторую молодость! Получив от сына письмо, в котором сообщалось о рождении маленького Сергея, он тут же решил отправиться в путь. Мог ли он и теперь проявлять неприязненное отношение к снохе, по той причине, что она была француженкой, католичкой, из-за чего он когда-то не дал согласия на этот брак? Произведя на свет ребенка мужеского пола, наследника фамилии Озарёвых, она оказалась выше порицаний свекра. После четырехлетнего разрыва отношений он был рад представившейся им обоим возможности помириться, да так, что самолюбие обоих при этом не пострадает. В глубине души Михаил Борисович никогда не переставал высоко ценить эту женщину. Он вдруг осознал, что о сыне думает меньше, чем о снохе, в связи с произошедшим событием. Как это ни парадоксально, но ему не терпелось поскорее увидеть Софи, а не Николая. Он достал часы из кармана: десять вечера. Не слишком ли поздно для того, чтобы ввалиться в дом молодой роженицы? Он не счел необходимым сообщать о своем приезде: письмо пришло бы одновременно с его появлением. Беззвучный смех заиграл у него на губах. «А какой он, малыш? Брюнет, как его мать, или блондин, как отец?

Этот недалекий Николай даже не описал его в своем письме!» Михаил Борисович представил себе крепкого и веселого ребенка, похожего на малыша-Геркуле-са, душившего змей в своей колыбели. Инвалид принес бумаги:

— Все в порядке, ваше благородие.

Шлагбаум со скрипом приподнялся. Обе лошади тронулись с места. Экипаж пересек освещенное фонарем туманное пространство и медленно въехал в город. С обеих сторон дороги выстроились дощатые заборы, редкие сады, низкие черные домишки с закрытыми ставнями. Затем показались первые каменные дома. Деревня становилась столицей. «Что за фантазия — жить в Санкт-Петербурге! — подумал Михаил Борисович. — Воздух здесь нездоровый, общество развратно, да и жизнь слишком дорога. В Министерстве иностранных дел Николай получает смехотворное жалованье, к тому же у него нет определенной должности и его начальники держат его при себе лишь из уважения ко мне. Я вынужден посылать Николаю деньги ежемесячно, чтобы помочь ему свести концы с концами. А в деревне он мог бы быть очень полезен мне в управлении имением. Да, воистину настало время по-новому организовать наше существование. Как только Софи сможет выехать, я перевезу их в мой дом». В семье Озарёвых было принято отмечать рождение детей высаживанием маленькой елочки в уголке парка. В честь Марии и Николая уже росло по дереву на каждого, и эти елочки стали теперь стройными и крепкими. Дерево Михаила Борисовича возвышалось над ними своими темными густыми ветвями, а верхушка его склонялась,

будто прислушивалась к шуму ветра. Ель Бориса Федоровича, отца Михаила Борисовича, три года назад раскололась от удара молнии. «Я сам посажу дерево Сергея, — решил Михаил Борисович. — И прикреплю к нему маленькую дощечку: 12 мая 1819 года».

Церковные купола промелькнули в густом тумане. Карета выехала на улицу с изысканными фасадами домов и звучной мостовой: Большая Морская. Затем пошли Невский проспект, Литейный проспект... Путешествие приближалось к концу. Михаил Борисович достал из кармана гребенку и провел по волосам, усам, бакенбардам, чтобы обрести более презентабельный вид. Это было самое малое из того, что он мог сделать, дабы не испугать сноху!

— Помедленнее! — крикнул он кучеру. — Давай направо. Третий подъезд...

Соломенная подстилка была разложена по всей ширине дороги, чтобы приглушить грохот колес. Вероятно, Софи пока еще чувствовала себя плохо. Дом, построенный при Екатерине II, принадлежал Ольге Ивановне, жене Михаила Борисовича. Она передала его по завещанию мужу и обоим детям. С тех пор как она умерла, дом оставался общей собственностью, но в соответствии с распоряжениями покойной Михаил Борисович единолично получал арендную, хотя и очень скромную, плату за квартиры. Все помещения были сданы, за исключением второго этажа. Николай и Софи обрели здесь пристанище после размолвки, вынудившей их покинуть Каштановку.

— Разгрузить тебе помогут, — распорядился Михаил Борисович, ступив на землю.

Масляная лампа с угасающим пламенем освещала вход на широкую мраморную лестницу. Михаил Борисович, тяжело дыша, поднялся по ступенькам на первую лестничную клетку. Здесь он стукнул кулаком по створке двери. Грохот прокатился по всему дому. «Безумец! — тут же подумал он. — Я разбуджу ребенка, мать!..» Но такая перспектива больше забавляла его, нежели удручала. Не дождавшись ответа, он снова забарабанил. Шаркающие шаги приближались. Дверь приоткрылась. Медленно поднялась рука, державшая зажженную свечу. При этом свете появилось лицо рыжеволосого и губастого слуги. Михаил Борисович узнал крепостного Антипа, которого отдал Николаю. Зрачки Антипа округлились, челюсть отвисла, и он осенил свою грудь крестным знаменем. Окажись Антип нос к носу с призраком, он не отступил бы с таким проворством в прихожую.

— Ну, давай! — проворчал Михаил Борисович, сбрасывая накидку. — Да что с тобой? Иди предупреди твоего хозяина!

— Моего хозяина! Моего хозяина! — с фырканьем бормотал Антип.

— Что? Он уже лег? Уже спит?

— О! Нет, барин!

Михаил Борисович оттолкнул Антипа тыльной частью руки, пересек вестибюль и вошел в гостиную, где горела стоящая на бюро лампа под зеленым абажуром. В то время как он окидывал взглядом эту большую, плохо меблированную, обветшавшую комнату, прямо перед ним открылась дверь и вошел его сын.

Николай был бледен, выражение лица усталое и растерянное. Появление отца, казалось, почти не удивило его. Михаил Борисович слегка испугался.

— Что происходит? — прошептал он.

Николай опустил голову и произнес:

— Ребенок умер.

Михаил Борисович с минуту стоял неподвижно, словно утратил способность думать и держаться на ногах. Затем машинально оперся рукой о спинку кресла. В воцарившейся тишине он ощущал лишь бичение своего пульса.

— Этого не может быть! — выкрикнул Михаил Борисович.

— Увы, отец! — произнес Николай.

— Почему ты не написал мне об этом?

— Я послал письмо по почте три дня назад. Должно быть, оно пришло в Каштановку после вашего отъезда.

Михаил Борисович глубоко вздохнул, и в груди у него усилилась боль. К его горю примешивался гнев. Вопреки здравому смыслу, он отказывался признать, что несчастье непоправимо.

— Я хочу видеть его, — произнес он сдавленным голосом.

У Николая задрожала нижняя губа.

— Но это невозможно, отец, — сказал он. — Ребенка... Мы его похоронили...

Михаила Борисовича охватило негодование, как будто сын признался ему в преступлении.

— Когда? Когда вы его похоронили? — спросил он.

— Позавчера.

— Почему вы не дождались меня?

— Понимаете, батюшка...

— Почему? — повторил Михаил Борисович, ударив кулаком правой руки по ладони левой.

Разве справедливо, что деду помешали увидеть лицо внука? И вдруг у него возникло ощущение, будто ему лгали, ребенок, даже бранные останки которого старику не дано было увидеть, никогда не существовал, и все это был обман, выдумка Николая. Затем, безо всякого перехода, он обрушился на сына и сноху, которые не сумели уберечь от болезни ангелочка, посланного им Господом.

— Отчего он умер? — спросил Михаил Борисович.

— Доктор в точности не знает... Наверное, от врожденного сердечного заболевания... Утром, в колыбельке, его нашли бездыханным...

— А врач у вас кто?

— Голубятников.

— Набитый дурак! Ручаюсь, что он растерялся! Вероятно, можно было что-то сделать! Если бы я был здесь...

— Не надо так думать, батюшка. Доктор Голубятников очень преданно помогал нам. Но все его усилия оказались напрасны. Никто не виноват.

— Никто не виноват! — повторил Михаил Борисович. — Ты так считаешь!.. И только потому, что это тебя устраивает!..

Он задыхался от ярости. В голове у него созрела одна мысль. Смерть маленького Сергея явилась наказанием свыше. Господь покарал Николая за то, что он женился вопреки воле отца на этой иностранке, католичке. Никогда, — он был в этом убежден, — подобное несчастье не случилось бы, если б мать ребенка была

православной. Скончавшийся на четвертый день Сергей наверняка не был даже крещен. Состоялось ли отпевание? Бесполезно спрашивать об этом. «В любом случае он теперь среди ангелов, — подумал Михаил Борисович. — А я так хотел посадить елочку в честь его рождения!» Пелена слез окутала его глаза.

— Покойся с миром в лоне Авраамовом, дитя мое! — пробормотал он. — И прости твоим родителям, что они не заслужили, чтобы ты жил!

Он поискал взглядом икону в гостиной, не обнаружил ее и перекрестился на окно, сильно прижимая сложенные пальцы ко лбу, к животу и к обеим сторонам груди.

— Что вы хотите этим сказать, отец? — пробурчал Николай, с трудом сдерживаясь.

Михаил Борисович презрительно оглядел его. Ему хотелось выкрикнуть то, что он думал, в лицо сыну, но старик опомнился из уважения к печали, которую, должно быть, испытывал и его сын.

— Ничего, — пробормотал он, — ничего такого, что ты мог бы понять. Ты просто мальчишка... Как чувствует себя твоя жена?

Этот вопрос прозвучал слишком поздно. Николай был возмущен, что его отец так долго ждал, прежде чем задать его. Такой эгоизм, такая суровость превосходили все дурное, что можно было ожидать от этого человека!

— Софи чуть не умерла во время родов! — ответил Николай.

Густые брови Михаила Борисовича дрогнули. Он бросил на сына холодный взгляд.

— Что? — произнес он. — А теперь?

— Она еще очень слаба. Кончина малыша была для нее ужасным ударом. Не знаю, как она от него оправится...

— Да, да, — вздохнул Михаил Борисович.

Он явно не хотел поддаваться волнению. Николай презирал отца за его тупую враждебность. С того момента, как Михаил Борисович вошел в этот дом, к трауру примешалось разногласие.

— Должен ли я распорядиться, чтобы приготовили для вас комнату? — коротко спросил Николай.

— Да. И скажи Антипу, чтобы разгрузал коляску.

В этот момент за дверью раздался робкий стук. В гостиную вошла босоногая служанка и сказала Николаю, что барыня желает видеть его немедленно. Николай бросил на отца испуганный взгляд и быстро вышел. Когда жена призывала его таким образом, он всегда опасался недомогания, приступа рыданий. Но Софи, спокойная и измученная, лежала в своей кровати при свете ночника. Она услышала, как подъехал экипаж, и хотела узнать, кто был ночной посетитель.

— Это мой отец, — неохотно ответил Николай.

Софи чуть приподнялась с подушек, щеки у нее покраснели.

— Он приехал из Каштановки? — прошептала она.

— Да, Софи.

— Он знал?..

— Нет.

— Бедняга! Попроси его прийти сюда.

Заметив недоброе расположение Михаила Борисовича к Софи, Николай опасался, как бы, оказавшись лицом к лицу, они снова не начали ссориться.

— Нужно ли это, дорогая? Отец устал с дороги. Да и ты...

Она медленно покачала головой справа налево и слегка pokrивилась, отчего обнажились ее зубы.

— Сходи за ним, Николай.

Несомненно, смерть ребенка потрясла ее настолько, что все прежние ссоры казались ей теперь ничтожными и смехотворными. Она едва помнила о том, как отвратительно встретил ее в Каштановке Михаил Борисович. Обратив на мужа преисполненный невероятной нежности взгляд, она снова сказала:

— Иди, и поскорее.

Не в силах противиться ей, он вернулся в гостиную. Услышав, что Софи позвала его к себе, Михаил Борисович не смог скрыть своей досады. Он опасался такого рода встреч, когда христианское милосердие вынуждает вас лгать, чтобы соблюсти приличия. На лице Николая застыло умоляющее выражение. «Он боится, что я устрою скандал», — подумал Михаил Борисович.

— Ну что ж! Пошли, — сказал он, пожимая плечами.

И с раздражением последовал за сыном. В конце длинного коридора Николай распахнул дверь. Михаил Борисович переступил порог и застыл от удивления. В полумраке он разглядел знакомую кровать с желтым балдахинном, два цилиндрических ночных столика, шкаф с резной дверцей, икону Иверской Божьей Матери в красном углу. Это была спальня, в которой он поселился со своей женой Ольгой Ивановной вскоре после женитьбы. Николай родился именно здесь двадцать пять лет назад. У Михаила Борисовича закружилась голова, и он почувствовал,

как внутри у него оживают тревога, радость, гордость, источник которых уже давно иссяк. Воспоминание о прошлом было таким четким, что он забыл, зачем пришел сюда. Думал о своей молодости, о минутах счастья, о словах любви, смехе, поцелуях и не видел Софи. И вдруг сквозь завесу тумана разглядел ее. Она лежала на месте его жены, в кровати жены, и на ее лице было то же выражение усталости и мужества, которое появилось у его жены после родов. Но около Ольги стояла тогда колыбель с ребенком внутри. А рядом с Софи ничего не было. Как, должно быть, она страдает из-за этой пустоты!

Михаил Борисович надел очки и посмотрел на сноху повнимательнее. Ночник освещал контуры ее узкого личика с красиво изогнутыми черными бровями, коротковатой верхней губой, темными, лихорадочно блестящими глазами и тонким очаровательным носиком. Ее поднятые к затылку черные волосы были прикрыты кружевной косынкой. Длинная гибкая шея слегка распухла у основания. Розовая вязаная накидка была наброшена на плечи. Михаила Борисовича охватило волнение. Сердце его билось быстро и сильно, и при этом он никак не мог совладать со своим замешательством или объяснить его. И прежде чем он успел открыть рот, она прошептала:

— То, что случилось с нами, — ужасно! Простите меня за то, что я причинила вам обманчивую радость.

Он вздрогнул: она сказала это по-русски. Когда Софи выучила язык своего мужа? Почему Николай не рассказал об этом в своих письмах?

— Вся эта поездка, такое дальнее путешествие, и понапрасну! — со вздохом продолжила она.

У Софи был очень милый французский акцент. Михаил Борисович боролся с желанием сложить оружие. И вдруг перед этой молодой женщиной, преисполненной достоинством в горе, он ощутил, насколько смешна его претенциозная озлобленность. Николай присел у изголовья Софи и не сводил с нее влюбленного взгляда. После продолжительного молчания Михаил Борисович услышал вдруг собственный голос, произносивший:

— Мы должны смириться пред волей Господа и принять ее, чего бы нам это ни стоило. Вы молоды, и у вас будут другие дети...

— Отец, не говорите так! — попросил Николай.

Он боялся, что Софи это шокирует. Но она грустно улыбалась, уставившись в стену перед собой. Внезапно приняв решение, Михаил Борисович взял руку Софи и поднес ее к губам: ладонь была легкой и теплой, совсем как у ребенка. Михаил Борисович деликатно опустил ручку Софи на край кровати. Запах миндаля витал вокруг его лица.

— Я хотел бы, — пробормотал он. — Надо бы... Абсолютно необходимо, чтобы вы приехали жить в Каштановку!

2

На улице Николай, впервые после трех недель вышедший из дома, с жадностью вдыхал ночной воздух. Софи сама настояла, чтобы он пошел на эту дружескую встречу к Косте Ладомирову. Ну разве свекор не составит ей компанию после ужина? Они сыграют в шахматы. Николай был счастлив и вместе с тем

встревожен их добрым согласиём. Прекрасно зная характер своей жены и Михаила Борисовича, он сомневался, что затишье продлится долго. В любом случае, результатом этого примирения явилось то, что Софи согласилась теперь переехать и жить в Каштановке. Казалось, ей даже не терпелось покинуть Санкт-Петербург. Николай вполне допускал, что ей хотелось уехать из тех мест, которые напоминали о ее трауре. Но он был уверен, что, проведя несколько месяцев в деревне, Софи пожалеет о своем решении. Но тогда будет слишком поздно возвращаться назад. Завязнув в Каштановке, они останутся там до конца своих дней.

Николай, однако, уже не мог обойтись без блестящей и непоследовательной жизни в столице. Он приобрел здесь друзей среди самых видных молодых людей, служивших в гражданском и военном ведомствах. Многие из них, подобно ему, принимали участие в кампаниях 1814 и 1815 годов против Наполеона и оказались в Париже после того, как он был взят. Оттуда они вывезли общие идеи и склонность к дискуссиям. Их еженедельные встречи у Кости всегда заканчивались политическими разговорами. Каждый излагал то, что услышал в городе, в казарме, в министерстве, при дворе, и высказывал свое мнение по поводу таких серьезных предметов, как законность власти, отмена крепостного права и способ приобщения просвещенных слоев нации к делам государства. Разумеется, при каждой встрече обменивались примерно одними и теми же суждениями, но само повторение этих мыслей было захватывающим. Николай размышлял обо всех тех радостях, которыми ему предстояло пожертвовать ради удовлетворения нужд

Софи. Кто же из них был большим эгоистом, она или он? Нынешним утром он опять попытался разубедить ее. Она ничего не захотела слушать: «Врач сказал, что через три недели я смогу путешествовать в покойной коляске. Разве ты не горишь желанием вновь оказаться в краю твоего детства? Мы будем так счастливы там!» Ну как она могла говорить подобным образом, в то время как здесь, на берегах Невы, начинался самый мягкий и самый лучший сезон? Город был окутан светом полярной весны, не свойственным ни дню ни ночи. При столь призрачном рассвете дома утрачивали свою громоздкость, тени никому не принадлежали, повседневная жизнь протекала совсем по-иному. Три недели назад прошел второй ледоход. Иноземные суда уже прибывали из Финского залива и причаливали к набережной у Биржи. С их появлением в город проникали запахи дегтя и смолы, голоса лоцманов, скрежет тяжелых работ по возведению рангоутов.

Широко шагая по улице, Николай вдыхал запах так близко расположенного моря. Налетевший с морских просторов резкий ветер продувал Невский проспект по всей его длине. Редкие прохожие, случайно попадавшие в столь поздний час, казались призраками, непонятными видениями, прогуливающимися мыслями, порождениями существ из плоти и костей, которые спали в своих кроватях. Это сны жителей Санкт-Петербурга дышали свежим воздухом без ведома их хозяев. И не был ли сам Николай призраком, прогуливающимся по городу, тогда как его подлинное тело осталось там, между его отцом и Софи? Одного того факта, что он мог задать себе такой вопрос, было

Николаю достаточно, чтобы осознать, в каком неестественном состоянии он находился.

Костя Ладомиров жил в огромной квартире неподалеку от Исаакиевской площади. Он принял Николая в гостиной, обставленной на восточный манер — с очень низенькими кушетками, разбросанными по полу разноцветными кожаными подушками, настенными коврами, инкрустированными перламутром низенькими столиками, стоящими по всем углам, и наргиле для курения в центре комнаты. Ароматические свечки дымились в плошке для благовоний. Хозяин дома был облачен в халат из кашемира, на ногах — желтые туфли без задника и каблука, на голове — феска. Этот наряд он надевал обычно по понедельникам, принимая гостей. Разодевшись таким образом, Костя, с его резкими чертами, вихром на лбу и длинными ногами, напоминал голенастую птицу, украшенную пышным оперением.

— Я рад, что пришел первым, — сказал Николай, усаживаясь на кушетку по-турецки. — Мне нужно с тобой поговорить... Дома у меня совсем нехорошо!..

— Ну как, по-твоему, может быть хорошо? — ответил Костя, который пока еще не задумывался ни о чем, помимо кончины ребенка. — Потерпи, и время залечит раны!

— Речь о другом!

— О чем? Тебя беспокоит Софи?

— Да, — признался Николай.

Но чуть не проговорившись, что ему придется уехать из Санкт-Петербурга, подчиняясь настояниям жены, он спохватился: Костя, будучи холостяком, не мог понять, что иногда в супружеской жизни именно

жена, а не муж принимает важные решения. Опасаясь показаться смешным в глазах приятеля, Николай, уклоняясь от ответа, прошептал:

— Я вижу, что она очень устала, сильно издергана. Деревенский воздух пойдет ей на пользу. Как только она поправится, я увезу ее в Каштановку, и мы поселимся там.

— Надолго?

— Думаю, да. Во всяком случае, я подам в отставку в министерстве.

— Ты с ума сошел! — воскликнул Костя.

Николай надеялся, что друг подбодрит его. Но Костяотреагировал в точности так же, как он сам, услышав об этом нелепом намерении:

— Ты же не можешь взять и просто уехать! Ты просто отупеешь в провинции!

Задетый за живое, Николай сумел все же скрыть свою досаду.

— Не надо так думать! — сказал он. — Я обожаю уединение. И воспользуюсь им для чтения, размышлений, займусь земледелием, животноводством, чтобы поближе познакомиться с крестьянами, которых мы так плохо знаем!..

— Ты странный человек! — заметил Костя, покачав головой, отчего элегантно дернулась кисточка фески, висевшая у его щеки. — Я и представить себе не мог, что тебя может привлечь деревня!

— Неужели я выгляжу таким легкомысленным? — сказал Николай с кислой улыбкой. — Кстати, приезжай навестить меня...

— В это захолустье? Не очень-то рассчитывай на меня!..

— Тогда я сам позабочусь о том, чтобы время от времени приезжать в Петербург!

Он продолжал делать вид, что в добром расположении духа, хотя холод уже врывается в его жизнь. Все превратилось в серость, тоску и ненужность. Костя предложил ему трубку с фарфоровой головкой и янтарным желтым мундштуком. Друзья молча покурили. Затем Костя спросил:

— А что думает о твоём решении Софи? Я уверен, что она не в восторге по поводу отъезда!

— О да! — ответил Николай... — Впрочем, мне было не слишком трудно уговорить ее.

Зазвонил колокольчик. Четыре гостя явились одновременно. Все военные. Они отстегнули пояса и оставили свои шпаги в прихожей. Самым импозантным из этих офицеров был Ипполит Розников, который стал близким другом Николая в Париже. Назначенный адъютантом генерала Милорадовича, губернатора Санкт-Петербурга, «красавец Ипполит» пополнил и приобрел уверенность в себе. Высокий и сильный, курчавый, усатый, он хохотал по любому ничтожному поводу и утверждал, что температура поднимается на три градуса, стоит ему войти в комнату. Вместе с ним пришли невысокий Юрий Алмазов, поручик, служивший в полку в Москве, Володя Козловский, корнет-кавалергард, и огромный Дмитрий Никитенко, драгун. Чуть позже появились также капитан Щедрин из Измайловского полка и мужчина лет тридцати с подстриженными бобриком белокурыми волосами, взглядом, искаженным толстыми очками, и полным подбородком. Его звали Степан Покровский, он представлялся поэтом, но служил

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Труайя Анри

СВЕТ ПРАВЕДНЫХ Барыня

Ответственный редактор *Ю. Раутборт*
Технический редактор *Л. Синицына*
Корректоры *В. Алексина, Л. Асанова*
Верстка *В. Демин*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 24.11.2025.

Формат 84 × 108^{1/32} Гарнитура «Petersburg».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,23.

Тираж 2500 экз. Т-НІВ-39450-01-Р. Заказ № .

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел.: (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел.: (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

